

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-80-2-35-40

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЕННЫХ СЛОВ «БРАНЬ» И «БРАННЫЙ» В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. С. ПУШКИНА

© Татьяна Корнеева, Чжан Юаньцзэ

STYLISTIC FEATURES OF MILITARY WORDS “FIGHT” AND “FIGHTING” IN THE POETIC WORKS OF ALEXANDER PUSHKIN

Tatyana Korneyeva, Zhang Yuanze

The article studies the function features of the military lexemes “fight” and “fighting” in the poetic works of A. Pushkin. These words had ceased to be used as military terminology by the 17th century, but they were often found in the poet’s lyrical works. The novelty of the study lies in the identification of semantic, functional-stylistic and contextually determined usage patterns of the words “fight” and “fighting” in the poetry of A. Pushkin. The research is based on selected works of the poet and the data from the “Dictionary of Pushkin’s Language”. The main cases of using the military lexemes “fight” and “fighting” were identified based on the methods of continuous sampling, contextual analysis and description. These words predominate in poems and verses dedicated to wars and battles, they are used to depict long-past events, in fairy tale narration, in the context of philosophical reflections on the role and place of the poet and poetry, as an imitation of great predecessors, as well as for a perky and ironic understanding of the obsolete Old Church Slavonicism in the language. These Old Church Slavonic words are freely combined with high, neutral and low vocabulary. The stylistic latitude in the use of the lexemes “fight” and “fighting” is also reflected in the diversity of lyrical motifs in the poems. In quantitative terms, the use of the Old Slavonic word “fight” in the language of A. Pushkin’s poetry is significantly less frequent than the use of its synonyms “battle”, “struggle” and “warfare”. However, due to the polysemy of abstract semantics, it is more expressive in comparison with commonly used synonyms and allows the author to realize his poetic intentions to a greater extent.

Keywords: poetry of A. Pushkin, fight, fighting, style, military vocabulary

Статья посвящена изучению особенностей функционирования в поэтических произведениях А. С. Пушкина военных лексем «брань» и «бранный». Несмотря на то что уже к XVII веку данные слова перестают употребляться в качестве военной терминологии, они достаточно часто встречаются в лирических произведениях поэта. Новизна исследования заключается в выявлении семантических, функционально-стилистических и контекстуально обусловленных закономерностей использования слов «брань» и «бранный» в поэзии А. С. Пушкина. Материалом исследования послужили избранные произведения поэта и данные «Словаря языка Пушкина». На основе методов сплошной выборки, контекстуального анализа и описания выявлены основные случаи употребления военных лексем «брань» и «бранный», отмечено их преобладание не только в стихотворениях и поэмах, посвященных войнам и сражениям, но также для изображения давно прошедших событий, сказочного повествования, в контексте философских размышлений о роли и месте поэта и поэзии, в качестве подражания великим предшественникам, а также для зазорного и ироничного осмысления устаревшего в языке церковнославянизма. Отмечена свободная сочетаемость указанных старославянизмов с высокой, нейтральной и сниженной лексикой. Стилистическая свобода в употреблении лексем «брань» и «бранный» проявляется также в разнообразии лирических мотивов стихотворений. В количественном отношении употребление старославянского слова «брань» в языке поэзии А. С. Пушкина существенно уступает употреблению существительных «бой», «битва» и «сражение». Однако в силу многозначности абстрактной семантики оно являлось более экспрессивным и выразительным по сравнению с общеупотребительными синонимами и позволило в большей степени реализовать поэтические намерения автора.

Ключевые слова: поэзия А. С. Пушкина, брань, бранный, стиль, военная лексика

Для цитирования: Корнеева Т., Чжан Юаньцзэ. Стилистические особенности военных слов «брань» и «бранный» в поэтических произведениях А. С. Пушкина // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 2 (80). С. 35–40. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-80-2-35-40

«До сих пор еще язык пушкинской поэзии благоухает для нас неувядающим ароматом, и звенит, и блещет лучшими перлами неистощимой сокровищницы русского языка...», – писал А. И. Куприн в статье «Солнце поэзии русской» [1]. Язык и стиль произведений А. С. Пушкина подробно исследованы в ставших классическими работах В. В. Виноградова [2], [3]. Изучение наследия поэта прослеживается во многих современных публикациях, в том числе в статьях, продолжающих традиции В. В. Виноградова и посвященных изучению истории отдельных слов и форм [4], [5], [6], [7], [8], [9]. Вместе с тем военная лексика в произведениях А. С. Пушкина остается мало исследованной и упоминается в контексте изучения заимствований или языка художественной прозы поэта (повесть «Капитанская дочка» и исторический труд «История Пугачева») [10]. Наше обращение к языку произведений А. С. Пушкина проводится в рамках изучения функционально-стилистических особенностей военной лексики и терминологии в языке поэзии XIX в. Данное исследование позволяет заострить внимание на особенностях функционирования отдельного слова в пространстве художественного произведения, особенно если стилистическая коннотация слова и всего текста отличается.

В статье рассматриваются функционально-семантические и стилистические особенности употребления в языке поэзии А. С. Пушкина «бранных» слов, а именно слов, входящих в словообразовательное гнездо слова *брань* ‘война’. Частотность употребления данных слов велика и обращает на себя внимание при внимательном изучении творчества поэта. По происхождению *брань* – церковнославянское слово, восходящее к праславянскому *bornъ* ‘состязание, борьба, бой’, ‘оружие’ и соответствующее исконно русскому *бóронь*, которое в памятниках письменности употреблялось редко [11, с. 160]. Семантика слова *брань* трактуется как ‘ссора, раздор, вражда’, ‘война, сражение’, ‘битва’, ‘борение (о чувствах, стремлениях)’, ‘тяжба, спор’, ‘оборона, защита’, мн. ‘броня, латы’, ‘бой’, переносное: ‘борение, одоление’, ‘гонение, притеснение’, ‘сопротивление’, ‘оборона; оборонительные сооружения’, ‘защита’ [Там же]. Слово *брань* активно употреблялось для обозначения боя, битвы, однако к XVII в. как военный термин выходит из активного употребления и становится приметой высокого стиля. К устойчивым выражениям с данными

словами относят словосочетания *брань створи-ти*, *лютая брань*, *доспѣти на брань*, *междусобная брань*, *на поле брани*.

В «Словаре Академии Российской» (1789) и «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенному» (1806) значение слова сужается: *брань* ‘война, ратование’ [12, с. 318], [13, с. 304] (значения ‘ссора, свара’ и ‘руганье, поношение, изъявление гнева поносительными словами’ не являются предметом нашего исследования, поэтому мы не будем останавливаться на них подробно). Однако широко представлены производные образования: *бранник* ‘воин, ратай, ратник, воинственный’, *бранный* ‘военный, воинственный, к брани, к войне относящийся’, *безбранный* ‘мирный, тихий, безмятежный’, *безбранно* ‘мирно, безмятежно’, *взбранный*, *возбранный* ‘военный, храбрый, сильный, крепкий во бранях’ [12, с. 319], *браноносный* ‘храбрый, мужественный, неустрашимый в бранях, в сражении’ [13, с. 303].

В произведениях А. С. Пушкина встречается 49 случаев употребления существительного *брань* в значениях ‘война’, ‘бой, битва, сражение’, ‘о боевом духе, настроении’ и 53 случая употребления прилагательного *бранный* ‘к брань’, в том числе в значениях ‘воинственный’, ‘относящийся к воину, воинский’, в сочетании *сила бранная* ‘войско, военная сила’ [14, с. 158–159]. Преобладают указанные лексемы в раннем творчестве поэта, в период ученичества и юношеского романтизма, однако их стилистическая реализация разнообразна и многогранна. Так, в оригинальном «оссиановском» стихотворении А. С. Пушкина «Осгар» (1814) [15, с. 53] трижды звучат однокоренные слова с разным значением: «Здесь пали храбрые, почти их **бранный** прах» (‘воинский’), «Покойся, юноша! Ты в **брани** славной пал» (‘битва’), «Осгар слышал весть и **бранью** воспылал» (‘боевой дух’). В стихотворении «К студентам» (1814) слово приобретает веселое и задорное, ироничное значение дружеской попойки, студенческого пира: «Подвиньте ж пенный стакан, / На **брань** благословляю!» [Там же, с. 59]. В стихотворении «К Батюшкову» (1814) тема *брани* ‘битвы’ звучит в контексте утверждения назначения поэта и поэзии: «С Жуковским пой кроваву брань / И грозну смерть на ратном поле» [Там же, с. 62]. Как известно, после возвращения из заграничных походов 1813–1814 гг. К. Батюшков переживал тяжелый кризис

мировоззрения и творчества, мало писал [16, с. 674].

Большинство же словоупотреблений относится к военной теме, причем сочетаемость лексем *брань* и *бранный* существенно расширяется.

Прежде всего данные слова встречаются в стихотворениях, посвященных Отечественной войне 1812 г., а также полководцам Наполеону и М. И. Кутузову. В стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» (1814) данные лексемы являются ключевыми и повторяются неоднократно в контексте описания войны 1812 г.: *брани новые, новой бранью, кони бранью дышат, пылает брань, среди бранных непогод, при звуках бранного певца*. Наблюдается своеобразная семантико-стилистическая дифференциация слов *бой* – *брань* буквально в соседних строках в описании битв прошлого века и века будущего: «...о росски исполины, / В боях воспитанны среди бранных непогод! – и: ... новый век узрел / И брани новые, и ужасы военны» [15, с. 64]. В стихотворении «Наполеон на Эльбе» (1815) это мечта Наполеона о новом сражении («И вспыхнет брань!») и память о поражении под Москвой («И раздроблен мой звонкий щит, / Не блещет шлем на поле браней») [Там же, с. 80–81]. В стихотворении «Наполеон» (1821) – в описании России: «Россия, бранная царица, / Воспомни древние права!» [Там же, с. 179]. В стихотворении «Герой» (1830) – в описании самого Наполеона: «... пришелец сей бранный, / Пред кем смирились цари; Не бранной смертью окружен, / Нахмурясь ходит меж одрами» [Там же, с. 316]. В стихотворении «Перед гробницею святой...» (1831, перед гробницей М. И. Кутузова в Казанском соборе в Петербурге) это одно из средств создания контраста: «И тих твоей могилы бранной / Невозмутимый, вечный сон...» [Там же, с. 324].

Прилагательное *бранный* свободно сочетается с именами существительными, называющими: а) атрибуты боя, войны (знамена, булат, звук булата, трубы, стук мечей, пламя, добыча, гул, шум, прах); б) место боя (поле, луг, станицы); в) военную доблесть (слава (бранная слава – наиболее частотное сочетание), честь, призвание); г) состояние (тревоги, споры, сон); д) одежду (одежда, обувь); а также встречается в сочетаниях *бранная голова, бранная глава*. Существительное *брань* преобладает в субстантивных словосочетаниях: *питомцы брани, брани глас, гул брани, вызов брани, искусство брани, жажда брани, бог брани, долина брани, ужас браней, доспехи брани; славная, алчная брань, тройная брань*, реже – в глагольных словосочетаниях и в предикативных сочетаниях: *грудь трепещет бранью, брань не надоела*. В данных

сочетаниях отражаются все аспекты боя: и сама битва, и ее герои, место, доспехи, психологическое состояние героев, авторское отношение, тема сакральной жертвы и т. п. Стилистическая свобода в употреблении лексем *брань* и *бранный* проявляется в разнообразии лирических мотивов стихотворений.

Как мы уже отметили, лексемы *брань* и *бранный* преимущественно используются в произведениях военной тематики. Однако нередко они функционируют в стихотворениях, посвященных размышлениям о назначении поэта и поэзии, в которых противопоставляются/сопоставляются воинская слава и безмятежная жизнь поэта («И бранных труб ужасный глас / Его не пробуждает» («Мечтатель», 1815 [Там же, с. 84]), «Хочет петь он бога брани, / Но поет одну любовь» («Гроб Анакреона», 1815 [Там же, с. 99]). Или в описании «воинственного поэта», предвидящего свою трагическую гибель в бою («И ночью бранный стук мечей / <...> Глубокий сон в долине бранной; / Одни мы мчимся в тьме ночной» («Наездники», 1816 [Там же, с. 116]). Слова *брань* и *бранный* могут находиться рядом в пределах двух строк для изображения сражения («Трепещет бранью грудь моя / При блеске бранного булата»), создавая наряду с другими образами («Лихие ржут, бразды кусают, / Да изредка грохочет гром») звуковую картину боя («Послание к Юдину», 1815 [Там же, с. 103]).

Прилагательное *бранный* в поэзии А. С. Пушкина может встречаться как в описании витязя («Взглянул, поник главою бранной – / И пал недвижный, бездыханный» («Руслан и Людмила» [Там же, с. 451]), так и боевого коня: «Вкруг холма обходит друг сильного – конь; / В очах горделивых померкнул огонь, / Он бранную голову клонит» («Сраженный рыцарь», 1815 [Там же, с. 88]), «Твой конь не боится опасных трудов; / Он, чую господскую волю, То смиренный стоит под стрелами врагов, / То мчится по бранному полю» («Песнь о вещем Олеге», 1822 [Там же, с. 186]). Стилистическая легкость употребления лексем *брань* и *бранный* в лирике А. С. Пушкина проявляется в их свободном употреблении в эпиграмме («Как брань тебе не надоела?» (1820 [Там же, с. 163]) или в любовном стихотворении о переодетой в форму гусарского офицера девушке, посетившей тяжело болевшего поэта («И плащ, и пояс боевой, / И бранной обувью украшенные ноги» («Выздоровление», 1818 [Там же, с. 140]). В ранней лирике А. С. Пушкина стилистическая свобода в употреблении военной лексики отмечается в целом ряде стихотворений. Так, в дружеском послании «Князю А. М. Горчакову» (1814) высокий, тор-

жественный стиль пожелания («Крестов, алмазных звезд, честей <...> чтобы славой / Ты увлечен был в путь кровавый, / Чтоб в лаврах и венцах сиял, / Чтоб в битвах гром из рук метал») сменяется забавной, задорной концовкой: «Вступая в мрачный челн Харона, / уснул... Ершовой на грудях!» [Там же, с. 58].

Значительное число употреблений слов *брань* и *бранный* представлено в поэмах А. С. Пушкина. В поэме «Руслан и Людмила» (1820) они служат для описания атрибутов военного дела («Железные доспехи брани» [Там же, с. 435]), поля боя («бранный луг» [Там же, с. 458]), витязей («... поник главою бранной» [Там же, с. 451]), присутствуют в лирических размышлениях автора («Соперники в искусстве брани / Не знают мира меж собой» [Там же, с. 411]). В поэме «Кавказский пленник» (1821) данные слова преобладают в характеристике черкесов и их образа жизни («Сыны Кавказа говорят / О бранных, гибельных тревогах» [Там же, с. 462], «Гостеприимство, жажду брани» [Там же, с. 467], «Он любовался красотой / Одежды бранной и простой» [Там же]), в описании Музы поэта («Любила бранные станицы» [Там же, с. 477]), в раздумьях о судьбе Кавказа («Забудет алчной брани глас» [Там же, с. 478]). В поэмах «Бахчисарайский фонтан» (1823) и «Полтава» (1828) данные слова прежде всего характеризуют главных героев: Гирея («Нет, он скучает бранной славой, / Устала грозная рука; / Война от мыслей далека» [Там же, с. 499]), Мазепу («И скоро в смутах, в бранных спорах, / Быть может, трон воздвигну я» [Там же, с. 550], «Он в бранном пламени скакал» [Там же, с. 557]), Карла XII («любовник бранной славы / Для шлема кинувший венец» [Там же, с. 563]), а также сами битвы («Он в бранном пламени скакал» [Там же, с. 557], «И бога браней благодатью / Наш каждый шаг запечатлен» [Там же, с. 565]). В романе в стихах «Евгений Онегин» слово *брань* многозначно («Но разлюбил он наконец / И брань, и саблю, и свинец» [17, с. 20]). Как отмечает В. Набоков, «эта строка раздражает своей неясностью» [18, с. 161]. По мнению писателя, оно характеризует дуэльный опыт героя произведения.

По количеству употреблений в произведениях А. С. Пушкина старославянское слово *брань* (49) существенно уступает существительным *бой* (72), *битва* (68) и *сражение* (110) [14], однако, обладая многозначной абстрактной семантикой ('война, ратование') по сравнению с конкретным значением синонимов ('сражение двух войск') [12, с. 177], [13, с. 318], отличается большим изобразительно-выразительным и стилистическим эффектом. Оно используется поэтом в ка-

честве подражания великим предшественникам; для изображения давно прошедших событий или сказочного повествования; в контексте философских размышлений; а также в качестве задорного и ироничного осмысления устаревшего в языке церковнославянизма.

Список источников

1. Куприн А. И. Солнце поэзии русской. URL: http://dugward.ru/library/kuprin/kuprin_solnce_poezii_russkoy.html (дата обращения: 11.02.2025).
2. Виноградов В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1935. 457 с. URL: http://feb-web.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/jaz/jaz-001-.htm (дата обращения: 11.02.2025).
3. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1941. 620 с. URL: http://feb-web.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/vin/vin-001-.htm (дата обращения: 11.02.2025).
4. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В. В. Виноградов. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1999. 1138 с. URL: <https://wordhist.narod.ru/bran.html> (дата обращения: 11.02.2025).
5. Порядина Е. И., Черникова Н. В. Слово жизнь в произведениях А. С. Пушкина (по материалам «Словаря языка Пушкина») // Русский язык: история, диалекты, современность. Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. Выпуск XVIII. 2019. М.: Московский государственный областной университет. С. 259–264.
6. Черникова Н. В. Слово сердце в произведениях А. С. Пушкина (по материалам «Словаря языка Пушкина») // Русский язык: история, диалекты, современность. Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. Выпуск XV. 2016. М.: Московский государственный областной университет. С. 335–339.
7. Широкова Е. Н. Эмотивное время в прозе А. С. Пушкина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. Нижний Новгород: Национальный исследовательский нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. 2006. № 1. С. 42–45.
8. Корнеева Т. А. Флексивная синонимия в языке произведений А. С. Пушкина // II Международные Бодуэновские чтения: труды и материалы. Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. Т. 2. С. 35–37.
9. Корнеева Т. А. Семантико-стилистические закономерности функционирования форм *люди* и *человеки* в произведениях А. Н. Радищева и А. С. Пушкина // Русская и сопоставительная филология: системно-функциональный аспект. Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. С. 64–66.
10. Черникова Н. В. Военная лексика в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Сб. научн. тр., посв. 85-летию Мичуринского гос. аграрн. ун-та. Мичуринск: Мичур. гос. аграрн. ун-т, 2016. С. 289–293.

11. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып 2 (б-бдынъ). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 336 с.
12. Словарь Академии Российской. Часть 1 (от А. до Г.). СПб: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. 1150 стб.
13. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб: при Императорской Академии наук, 1806–1822. Ч. 1: А – Д. 1806. 1310 стб.
14. Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 1 / под ред. В. В. Виноградова. М.: Азбуковик, 2000. 975 с.
15. Пушкин А. С. Избранные сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Худож лит., 1978. 751 с.
16. Благой Д. Примечания // А. С. Пушкин Избранные сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Худож лит., 1978. С. 673–730.
17. Пушкин А. С. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Худож лит., 1978. 686 с.
18. Набоков В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. Пер с англ. М.: НПК «Интелвак», 1999. 1008 с.

References

1. Kuprin, A. I. (1899). *Solntse poezii russkoi* [The Sun of Russian Poetry]. URL: http://dugward.ru/library/kuprin/kuprin_solnce_poezii_russkoy.html (accessed: 11.02.2025). (In Russian)
2. Vinogradov, V. V. (1935). *Yazyk Pushkina: Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Pushkin's Language: Pushkin and the History of the Russian Literary Language]. 457 p. Moscow, Leningrad, Academia. URL: http://feb-shheb.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/jaz/jaz-001-.htm (accessed: 11.02.2025). (In Russian)
3. Vinogradov, V. V. (1941). *Stil' Pushkina* [Pushkin's Style]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Khudozhestvennaya literatura". 620 p. URL: http://feb-shheb.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/vin/vin-001-.htm (accessed: 11.02.2025). (In Russian)
4. Vinogradov, V. V. (1999). *Istoriya slov: okolo 1500 slov i vyrazhenii i bolee 5000 slov, s nimi svyazannykh* [History of Words: About 1500 Words and Expressions and More than 5000 Words Associated with Them]. 1138 p. Moscow, Institut russkogo yazyka RAN. URL: <https://shhordhist.narod.ru/bran.html> (accessed: 11.02.2025). (In Russian)
5. Poryadina, E. I., Chernikova, N. V. (2019). *Slovo zhizn' v proizvedeniyakh A. Pushkina (po materialam "Slovarja yazyka Pushkina")* [The Word Life in the Works of A. S. Pushkin (based on the materials of the "Dictionary of the Pushkin Language")]. *Russkii yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost'*. Sbornik nauchnykh statei po materialam dokladov i soobshhenii konferentsii. Vypusk XVIII, pp. 259–264. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet. (In Russian)
6. Chernikova, N. V. (2016). *Slovo serdtse v proizvedeniyakh A. S. Pushkina (po materialam "Slovara yazyka Pushkina")* [The Word Heart in the Works of A. S. Pushkin (based on the "Dictionary of Pushkin Language")]. *Russkii yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost'*. Sbornik nauchnykh statei po materialam dokladov i soobshhenii konferentsii. Vypusk XV, pp. 335–339. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet. (In Russian)
7. Shirokova, E. N. (2006). *Emotivnoe vremya v proze A. S. Pushkina* [Emotive Time in the Prose of A. S. Pushkin]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya*. No. 1, pp. 42–45. Nizhnii Novgorod, Natsional'nyi issledovatel'skii nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N. I. Lobachevskogo. (In Russian)
8. Korneeva, T. A. (2003). *Flektivnaya sinonimiya v yazyke proizvedenii A. S. Pushkina* [Inflectional Synonymy in the Language of A. S. Pushkin's Works]. II *Mezhdunarodnye-Boduenovskie chteniya: trudy i materialy*. T. 2, pp. 35–37. Kazan, Kazan. gos. un-t. (In Russian)
9. Korneeva, T. A. (2003). *Semantiko-stilisticheskie zakonomernosti funktsionirovaniya form lyudi i cheloveki v proizvedeniyakh A. N. Radishcheva i A. S. Pushkina* [Semantic and Stylistic Patterns of Functioning of the Forms People and Humans in the Works of A. N. Radishchev and A. S. Pushkin]. *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya. Sistemno-funktsional'nyi aspekt*. Pp. 64–66. Kazan, Kazan. gos. un-t. (In Russian)
10. Chernikova, N. V. (2016). *Voennaya leksika v povesti A. S. Pushkina "Kapitanskaya dochka"* [Military Vocabulary in the Story "The Captain's Daughter" by A. S. Pushkin]. *Sb. nauchn. tr., posv. 85-letiyu Michurinskogo gos. agrarn. Un-ta*. Pp. 289–293. Michurinsk, Michur. gos. agrarn. un-t. (In Russian)
11. Anikin, A. E. (2008). *Russkii etimologicheskii slovar'*. Vyp 2 (b-bdyn) [Russian Etymological Dictionary. Vol. 2 (б-бдынъ)]. 336 p. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. (In Russian)
12. *Slovar' Akademii Rossijskoi. Chast' 1 (ot A do G)* (1789) [Dictionary of the Russian Academy. Part 1 (from A to G)]. 1150 stb. St.Petersburg, pri Imp. Akad. nauk. (In Russian)
13. *Slovar' Akademii Rossijskoi, po azbuchnomu poryadku raspolzhenyi* (1806) [Dictionary of the Russian Academy, Arranged in Alphabetical Order]. Ch. 1: A – D. 1310 stb. St. Petersburg, pri Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)
14. *Slovar' yazyka Pushkina* (2000) [Dictionary of Pushkin's Language]. T. 1. 975 p. Moscow, Azbukovik. (In Russian)
15. Pushkin, A. S. (1978). *Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh* [Selected Works in Two Volumes]. T. 1. 751 p. Moscow, Khudozh lit. (In Russian)
16. Blagoi, D. (1978). *Primechaniya* [Notes]. A. S. Pushkin. *Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh*. T. 1, pp. 673–730. Moscow, Hudozh lit. (In Russian)
17. Pushkin, A. S. (1978). *Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh* [Selected Works in Two Volumes]. T. 2, 686 p. Moscow, Khudozh lit. (In Russian)
18. Nabokov, V. V. (1999). *Kommentarii k "Evgeniyu Oneginu" Aleksandra Pushkina* [Comments on "Eugene Onegin" by Alexander Pushkin]. 1008 p. Moscow, NPK "Intelvak". (In Russian)

The article was submitted on 04.03.2025
Поступила в редакцию 04.03.2025

Корнеева Татьяна Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tatyana.tak1110@gmail.com

Чжан Юаньцзэ,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zhangyuanze999@163.com

Korneyeva Tatyana Alexandrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tatyana.tak1110@gmail.com

Zhang Yuanze,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zhangyuanze999@163.com